

Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. 560 с. (Языковеды мира); **Trubetzkoy N. S. Opera slavica minora linguistica** 1988. 344 S. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. 509. Bd)

Прошло более полувека со дня смерти Н. С. Трубецкого (1890—1938), основоположника фонологии, неоссыкаемого генератора лингвистических идей, одного из пионеров лингвистического мышления XX века. Между тем интерес к его научному наследию не затухает, а, пожалуй, напротив, возрастает. Об этом свидетельствует издание двух сборников его работ, вышедших в свет почти одновременно. Первый опубликован в Москве, на родине ученого, второй — в Вене, где он работал с 1922 по 1938 г.

Московский сборник составили В. А. Виноградов и В. П. Нерознак, венский — внучка Николая Сергеевича Варвара Александровна Кюнелът-Леддин в сотрудничестве с М. Труммером. Составители, а также редакторы (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов и Н. И. Толстой) первого сборника стремились по возможности полнее отразить многогранную филологическую деятельность Трубецкого, включив в свое издание переводы с немецкого, французского и польского языков (перепечатки русских изданий занимают незначительное место). Здесь находим работы по общему, индоевропейскому и славянскому языкознанию (I раздел, с. 11—232), отдельно по кавказскому языкознанию (II раздел, с. 233—345), поэтике и метрике (III раздел, с. 346—407). Сборник сопровождается обширными комментариями (с. 408—491), подробный очерк о жизненном пути и научной деятельности Трубецкого (с. 492—519), список его филологических трудов (с. 520—523) и указатели.

Состав публикаций второго сборника (издатели — Ст. Хафнер, Ф. Мареш, М. Труммер и В. Кюнелът-Леддин) отражает основную деятельность профессора славистики Венского университета, слависта, выдающегося исследователя исторической фонетики славянских языков, глубоко проникшего в эпоху их «доисторического» развития, основоположника фонологии. Он представляет собой собрание фототипических копий изданных в то время работ с сохранением и прежней пагинации (сюда вошли статьи на немецком, французском, а также русском языках).

Содержательный и строго сбалансированный очерк о Н. С. Трубецком, гениальном ученом и выдающемся человеке, составили для Московского сборника Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов и Н. И. Толстой (Послесловие, с. 492—519). К известной широким кругам наших языковедов характеристике Трубецкого как

фонолога (ср. [1, с. 326 и сл.]), одного из зачинателей ареальной лингвистики, впервые сформулировавшего понятие языкового союза, а также кавказоведа-компаративиста, здесь присоединяется его характеристика как специалиста по теории стиха и поэтике, фольклориста, финно-угроведа-этнографа и культуролога. Русский читатель с удовлетворением убеждается в том, что основоположника фонологии можно считать и основоположником науки об истории литературного языка, прежде всего — русского. Кавказовед найдет в очерке справедливую общую оценку кавказоведческого наследия ученого с акцентом на важности пропагандировавшихся им путей и методов сравнительно-исторического изучения языков Кавказа в условиях господства в этой сфере приемов, предлагавшихся Н. Я. Марром и рядом его учеников. *Далее отмечается его неизменное внимание к взаимодействию в истории языков факторов генетического и ареального порядка. Любой очерк подобного рода был бы явно ущербным без указания на особое место, принадлежащее в творчестве Трубецкого его докладу «Мысли об индоевропейской проблеме», идейное богатство которого недооценивается и в современном языкознании в виду ряда содержащихся в нем ошибочных положений. Авторы очерка отмечают, наконец, и значимость работ ученого по поэтике и метрике.

Ст. Хафнер, автор венского очерка о Н. С. Трубецком, сосредоточил внимание читателей на последнем периоде его творчества (с. IX—XXXVIII). Здесь находим некоторые сведения об обстоятельствах, которые привели ученого в Венский университет. Отмечен глубокий интерес Запада к истории рода Трубецких (см. примеч. 9 на с. IX). Ст. Хафнер детально проследил зарождение интереса Трубецкого к истории праславянского языка, развитие идей и представлений о праязыке и методах его реконструкции. Здесь мы узнаем о трагической судьбе первого и второго вариантов рукописи книги о праславянском языке. «Опыт праистории славянских языков» был сдан на хранение в отдел рукописей Ростовского университета, где в 1919—1920 гг. ученый занимал должность доцента. Материалы второго варианта вместе с архивом Трубецкого после обыска на его квартире и в университете (март 1938 г.) оказались в гестапо (см. с. XIV, XXIII). Характер грандиозного труда, ответственность работы над которым сам Н. С. Трубецкой

сравнивал с «шапкой Мономаха» (с. ХХI), просматривается как в сохранившихся письмах ученого, изданных Р. О. Якобсоном [2], так и в материалах, тщательно собранных в рецензируемом сборнике.

С публикацией в переводе основных кавказоведческих исследований Н. С. Трубецкого, разбросанных по труднодоступным (особенно — для специалистов на Кавказе) зарубежным изданиям, читатель получает наглядное представление о передовых рубежах лингвистического кавказоведения 20—30-х годов. Совершенно очевидной становится ведущая роль ученого во внедрении фонологического подхода в описание звукового строя языков Северного Кавказа, а также сравнительно-исторического метода в их диахроническое изучение. По этим переводам нетрудно увидеть, насколько тесно с его именем связана качественно новая ступень в развитии кавказского языкознания, характеризовавшегося до той поры почти исключительно синхронными описаниями языков. Неудивительно поэтому, что ряд кавказоведческих идей Н. С. Трубецкого, например, о важности соблюдения определенной последовательности в решении вопроса о генетических взаимоотношениях автохтонных языков Кавказа, о необходимости опоры в этом исследовании на испытанный инструментарий сравнительного языкознания, о первичности одной серии латеральных согласных в нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языках, достаточно актуально звучит и в настоящее время. Только в наши дни можно должным образом оценить героические усилия ученого-кавказоведа, когда в его распоряжении обычно оказывались более или менее фрагментарные и недостаточно адекватные грамматические очерки и записи материала, выполненные его немногочисленными предшественниками (и, тем более — повять издержки его работ, отражавшие начальный этап развития научного кавказоведения).

Перечитывая тексты, изданные фототипическим способом в венском издании, можно проследить, как росла фигура Трубецкого-компаративиста. Они наглядно демонстрируют, как в его творчестве усиливается аспект внутренней реконструкции и относительной хронологии явлений, как историческая фонетика закономерно превращается у него в диахроническую фонологию со все более и более четким представлением о системе и системообразующих связях, внутренней движущей силой которых оказываются фонологические оппозиции и корреляции (ср. статьи о гуттуральных, о депалатализации 1933—1934 гг.). Вместе с тем становится очевидным, что именно историческая фонетика славянских языков слу-

жила ученому важнейшим полигоном апробации его фонологических идей.

Сборник отражает упорные поиски ученым «внутренней логики языковой эволюции», формирование его концепции телеологизма, в которой система рассматривается как важнейший источник саморазвития, самодвижения. Большинство его статей представляет собой своеобразные фрагменты «Опыта праистории славянских языков», работа над которым была начата еще в 1915 г. (см. с. ХII), когда Трубецкой прочитал доклад «О методах восстановления праязыка», который произвел, по его словам, впечатление «разорвавшейся бомбы». Еще тогда на заседании Московской диалектологической комиссии он поставил задачу поиска более совершенных методов реконструкции праязыка. Завершает книгу публикация письма Трубецкого Л. Новаку «О словацкой, чешской и русской исторической фонетике» (с. 299—302).

Судя по статьям сборника, опубликованным письмам и планам лекционных курсов, над реализацией плана создания фундаментальной истории праславянского языка ученый работал на протяжении всей своей жизни, так и не успев осуществить его: то пропадала рукопись, то выяснялось, что над книгой необходимо еще и еще работать, согласовав накопленные факты с более совершенной теоретической находкой, то приходилось откладывать любимое детище для срочной организационной работы по фонологии... И, может быть, главным трудом его жизни и должна была стать именно история праславянского языка, в то время как опыты исторической фонетики, полабские штудии, исследования по фонологии и др. оказывались своего рода побочными продуктами производства. В опубликованных очерках можно разглядеть заделы и диахронической фонологии, и диахронической морфологии, теории реконструкции и относительной хронологии, базирующиеся на исходном пункте лингвистического мировоззрения Трубецкого, согласно которому язык всегда представляет собой систему взаимосвязанных элементов, явлений и процессов.

Оба сборника содержат библиографию трудов Н. С. Трубецкого. Весьма тщательно собран и систематизирован список опубликованных работ в венском сборнике (с. XXXIX—XVIII). Все изданные работы здесь распределены по разделам: общее языкознание, фонология и морфология, языковое родство и лингвистическая география, индоевропейское и (отдельно) славянское языкознание, кавказское и неиндоевропейское языкознание, литературоведение, фольклористика, история культуры и др.

Библиография отчетливо свидетельствует о неуклонном росте интереса языковедов к трудам Трубецкого. Так, в частности, «Основы фонологии» были изданы 7 раз на немецком (1939—1977), 5 раз на французском (1949—1976) и по одному разу на английском (1969), итальянском (1971), испанском (1973), польском (1970), японском (1980) и русском (1960) языках. Вообще чаще издаются и переводятся его фонологические работы. Так, брошюра «Введение в фонологическое описание» (1935), не переводившаяся, впрочем, на русский язык, только на японском языке издавалась трижды (1936, 1964, 1975).

В какой-то мере оба сборника дополняют друг друга (сферу их пересечения составляют лишь восемь статей, воспроизведенных в обоих случаях). Так, в частности, для понимания сущности научной фигуры Трубецкого, его *profession de foi*, большое значение имеют характеристики, данные им некоторым крупным языковедам. Редакторы венского издания перепечатали опубликованные ученым три некролога: Ватрослава Ягича (1838—1923), с. 191—198 — его предшественника по кафедре славянской филологии в Венском университете, Виктора Поржевинского (1870—1930), с. 262—266 — его наставника по Московскому университету, Эриха Бернекера (1874—1937), с. 316—320 — выдающегося немецкого компаративиста-слависта, ученика Ф. Ф. Фортунатова. В то же время разносторонние материалы московского сборника (равно как и филологическое и нефилологическое наследие Трубецкого, оставшееся за пределами рецензируемых изданий) подчеркивают, что в конечном счете объектом исследований ученого всегда оставался человек в широком спектре проявлений его духовной активности.

Обе рецензируемые книги хорошо изданы. В частности, переводы московского сборника выполнены квалифицированно и, как правило, внимательно отредактированы. Технические погрешности сведены до неизбежного минимума (досадна сохранившаяся на с. 495 описка Трубецкого в параллельном обозначении восточ-

нокавказских языков как «лезгино-черкесских»).

Пожалуй, общим недостатком обеих публикаций является отсутствие библиографических данных по литературе о Н. С. Трубецком и о его трудах. Так, в биографических очерках следовало бы, вероятно, упомянуть фундаментальное исследование М. Вьеля [3]. На общем фоне отличающихся своей полнотой библиографий работ ученого в обоих изданиях можно отметить отсутствие в соответствующем списке московского сборника статьи «Ostkaukasische Wörter für „Frau, Weibchen, Gattin“», помещенной В. Дресслером в журнале «Die Sprache» (№ 19, 1 за 1973 г.). Этот сборник вместе с некоторыми предшествовавшими ему другими изданиями серии «Языковеды мира» свидетельствуют, на наш взгляд, о целесообразности продумать единые принципы организации их вспомогательного аппарата (так, едва ли оправданы пространные комментарии — в одном случае почти равные объему публикуемого материала — особенно, когда они отражают субъективную точку зрения комментатора).

В заключение остается подчеркнуть, что выход в свет двух собраний орега minora Н. С. Трубецкого составляет значительное событие в лингвистике, отражающее разносторонний и глубокий вклад ученого в нашу науку и констатирующее его приоритет в выдвижении целого ряда идей, плодотворно развиваемых в современном языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
2. Jakobson R. N. S. Trubetzkoy's letters and notes. The Hague; Paris, 1975.
3. Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzkoy et Jakobson. Un episode de l'histoire de la pensée structurale. P., 1984.

Журавлев В. К., Климов Г. А.

Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур. М.: Наука, 1988. 232 с.

Рецензируемая монография М. М. Маковского является третьей, заключительной частью большого исследования, посвященного диалектике языковых систем. Его первая часть — «Теория лексической аттракции» — вышла в свет в

в 1971 г., вторая — «Системность и асистемность в языке» — в 1980 г.

М. М. Маковский известен своими работами в области общего языкознания, диалектологии, социолингвистики, этимологии, критики и эмендации текста